

IV. Выводы, касающиеся политической логики

Но нам могут сказать, что эти выводы, относящиеся к социальной политике и другим областям, не те, что мы ждали от социолога. Они не решают вопроса, который задают все: «Большевистский эксперимент доказал или опроверг социализм?» Нам могут сказать: «Вот важное учение, социализм, коммунизм, если угодно, подвергнутое испытанию фактами; вы говорите нам, как оно должно быть очищено, но вы не говорите, истинно оно или ложно. Вы его считаете, как коммунисты, победившим или, как либеральные и реакционные теоретики, побежденным?»

Отвечаем, хотя наш ответ может показаться наивным, бесполезным или слишком оторванным от борьбы партий: «События в России не подтверждают и не опровергают социализм».

Предположим, что коммунистам удалось бы навязать Социальную Республику их мечты (чего они не сделали); что бы это доказывало? Что в одной нации, едва пробудившейся для общественной жизни и индустриального развития, можно установить социалистический строй или, точнее, против капиталистического строя можно принять такие меры предосторожности, что последний станет невозможен. Или же этот успех доказал бы, что после национальной социальной революции (и некоторой дозы капитализма, идущего из-за границы и необходимого в процессе ожидания всемирной революции) сильное социалистическое правительство может уменьшить ее опасности до минимально возможной величины. Именно это в общем пытается теперь сделать нэп (новая экономическая политика). Или еще: констатируя, что мировая и гражданская войны, последовавшие затем блокада и установление коммунизма довели Россию в экономическом отношении до уровня, который можно назвать нулевым, если начертить кривую динамики национального богатства; затем, милостиво и без всяких оснований допуская, что эта Россия скоро возродится, заживет полнокровной жизнью и расцветет; воображая, кроме того, что это воскресение произойдет целиком под знаком коммунизма, мы могли бы сделать вывод, что там, где уничтожено все и все начато вновь с нулевого уровня (и это в стране, простирающейся на континенте, который природа одарила безграничными и разнообразными ресурсами и на котором проживает огромное, хотя и негустое для такой территории, население), в этих в целом чрезвычайных условиях молодое и сказочно богатое потенциально общество может позволить себе роскошь разрухи с последующем коммунистическим строем.

Успех социализма или, точнее, коммунизма в Москве ничего бы не доказывал в пользу нашего социализма. Старые индустриальные демократии с мощным капитализмом; с крупной буржуазией, управляющей общественным мнением и время от времени делающей

необходимые уступки; с многочисленной мелкой буржуазией; с крестьянами, которые часто богаты и в значительной своей части являются собственниками; с вполне благопристойным рабочим классом, вдохновляемым идеалами вполне буржуазной благопристойности, — такие демократии не склонны ни к диктатуре, ни к коммунизму. Главное, они не склонны возвращаться к простой и элементарной жизни, что, несмотря на многообразную обманчивую видимость, сделала Русская революция, где одерживает верх крестьянин и где рушится гнилое и тонкое здание пышной аристократии слабого капитализма старого строя.

Наши крупные нации Европы и Америки уже не склонны к столь рискованным авантюрам, к разрушению гражданского сообщества для того, чтобы получить возможность построить его заново. Это возможно только в России. Ни одна из этих наций не встретила бы так отважно, безрассудно и мужественно, как это сделала Россия, ужасы блокады и голода, чтобы противостоять иностранной интервенции и шуанам. Они рассматривают социализм как хранителя национального богатства, как лучшего управляющего благами, которые необходимо сохранить, а не как архитектора страны Икарии.

И наоборот, относительная неудача коммунизма в России ничего не доказывает ни за, ни против социализма в наших западных обществах. Во-первых, если когда-нибудь социализм добавит свои суперструктуры к устройству наших обществ или изменит его самим своим присутствием, то это произойдет не посредством насилия, не в результате катастрофы, которые могут оказаться лишь случайностями. То, что он создаст, будет построено всем понятной, осознанной деятельностью граждан. Во-вторых, эти граждане будут принадлежать не только к классу промышленных рабочих, даже там, где он составляет большинство, хотя еще и отчасти несознательное; они будут принадлежать ко всем другим непаразитическим классам, которые окажут рабочим свою совместную помощь. Таким образом, то, что оказалось невозможным для российских несчастных мужиков и «товарищей», окажется, может быть, осуществимым для образованных и разумных членов наших самых скромных профсоюзов, кооперативов, муниципальных советов. Этот аргумент обычно используется нашими западными коммунистами, обещающими «массам», которые якобы за ними следуют, лучшую и более легкую революцию, чем русская. Хотя он скрывает важный изъян и признает преждевременным российский эксперимент, он точен. Это верно: ничто в российском эксперименте не позволяет доказать, что завтра английская лейбористская партия, легальная политическая партия, родившаяся из массовой, организованной, образованной демократии, не сможет победоносно осуществить свою программу, может быть, хотя бы частично. Этот пример, когда он будет существовать, окажется, бесспорно, более заразительным и полезным, чем та авантюра, в которую российские коммунисты на какое-то время втянули всю нацию, которой они управляют.

Кроме того что наши нации отличаются от российской своим составом, этот состав ежедневно становится все более способным организовать социальную и индустриальную демократию в придачу к демократии политической. Они не только обладают несомненной юридической зрелостью, но и достигли уже совершенно иной стадии экономического и психического развития, и с этой стадии они смогут двинуться дальше для реализации вещей, невозможных для россиян. Возможно, они теперь находятся даже ближе к цели, чем русские, которые пошли как будто по короткому, прямому, прямолинейному и легкому пути Революции; но в действительности это путь опасный, головокружительный и, вероятно,

ведущий в пропасть. Социализм, если мы его верно понимаем, должен состоять в организации рынка, кредита, обращения и впоследствии, не изначально, не сразу, производства. Доказательство этого положения дает сам российский опыт. Именно к этому теперь приходят коммунисты новой экономики с их «орг», организациями[1176] самого разного уровня, всякого рода национальными трестами, государственными и народными банками и т. д. Таким образом, мы скажем: «Такое общество, как Великобритания, где у государства и общественных корпораций имеется гигантская собственность; где муниципальный и административный социализм уже давно популярен; где движения фондов различных форм социального и частного страхования превосходят экономику всей республики Советов; где тресты организуются и организуют промышленность; где рабочий класс и общественность уже настолько готовы к индустриальной национализации шахт, что она была предложена в национальном арбитраже[1177], такая нация обладает совершенно иными возможностями в отношении социализма, чем бедная аграрная Россия». В Англии можно будет даже легко национализировать значительную часть земли, потому что речь пойдет чаще всего о том, чтобы отменить явно не очень прочное с моральной точки зрения владение знати, церкви и корпораций; здесь можно будет вполне реализовать преобладающее и совершенно законное право собственности короля. В такой стране можно будет легко национализировать шахты вместе с землей, с которой они связаны в праве; можно будет национализировать, сохранив их индустриальный характер, железные дороги, которые государство уже контролирует. Можно будет, вероятно, также с пользой сгруппировать и другие отрасли промышленности, организовать их в национальном масштабе, как это уже предлагают просвещенные промышленники и чиновники[1178], против безработицы, против кризисов и т. д. И тогда различие между этой организацией и социалистической станет совсем незаметным.

Позволим себе помечтать на мгновение. Если бы Германия [...], каких рубежей она бы уже достигла? Ее государственный социализм, ее муниципальные, провинциальные и общегосударственные предприятия, социальное страхование, капиталистические вертикальные и горизонтальные организации, «картели», «тресты» и «концерны», ее рабочие профсоюзы, кооперативы, еще держащиеся на плаву в невыразимом хаосе, все в ней имело тенденцию к организации.

Кто сможет сказать еще, какое влияние на общество окажут отмена или ограничение во времени и в степени родства права наследования? Кто сможет сказать, какие результаты не могли бы иметь эти и другие так называемые реформы, являющиеся в действительности собственно Революцией, то есть безжалостное перераспределение нечестно добытых прав?

Итак, Русскую Революцию не надо ни предлагать в качестве примера для подражания, ни выставлять в качестве пугала. Там все разворачивается не в тех плоскостях, в каких находимся мы здесь, на Западе. Мало что из происходящих там событий опровергает или подтверждает какие бы то ни было учения, которые у нас объединяют различные интересы, разнообразные и изменчивые мнения граждан.

Завершится эта оценка большевизма одним предостережением социолога, обращенным к широкой публике. На этот раз речь идет о простом уроке логики и здравого смысла, который необходимо извлечь из изложенного.

Из всех рассуждений и доказательств политические в наибольшей степени наполнены идолами племени и площади[1179], пропитаны «этосом и патосом»[1180], предрассудками и страстями, которые все искажают. Кроме того, подобно речам адвокатов, они строятся вокруг какого-то «дела», а не на основе фактов или доводов. Поэтому дискуссии в области политики состоят в постоянном софистском смешении права и факта, как в судебном заседании.

Но среди рассуждений, постоянно используемых как в Советах, так и в различных парламентах и конгрессах, есть одно, которое должно быть упразднено прежде всего: это рассуждение по аналогии, исторической или политической. Рассуждают обычно от одного прецедента к другому. Врач поступает так же и поэтому часто совершает ошибки, но у него нет другого способа расчета, пока он ждет, когда биология и патология в конце концов его просветят. Но в политике такая ошибка почти не имеет оправданий. Здесь не позволено рассуждать только по принципу *de homine ad hominem*. А вопрос, подобный тому, который перед нами часто ставят, предполагает, что можно переносить выводы об одном коллективном индивиде на другого, например от России на Францию, и наоборот. Существует смутное представление о том, что общества — это не особые индивиды, и что можно на основании некоего прецедента предписывать общезначимые рецепты, которые могут служить членам другого общества. Думая так, мы глубоко заблуждаемся. Общества — это индивиды, часто весьма деятельные и устойчивые. Так, те общества, которые составляли евреи, собравшиеся вокруг Храма, или же несчастные полинезийские туземцы на островах Чатем предпочли погибнуть, чем отказаться от своих табу. Мало коллективных образований, мало цивилизаций более странным образом индивидуализированы, более отличны по характеру от других народов, чем огромная однородная масса великороссов, весьма древняя и по-прежнему очень молодая. Понятия возможного и невозможного различны для них и для нас. Только тогда, когда имеется известное единообразие в уровне материального прогресса, известное психическое и умственное единство и, главное, определенное возрастное равенство некоторых наций, можно пытаться переносить в них, как это сделали римляне и Наполеон, институты одной страны в другую. Будем же остерегаться таких ошибочных исторических и политических рассуждений. Весьма распространенный вид учености, свойственный журналистам, далек от достоверности и вводит в заблуждение; ученость дипломатов, политиков и юристов не менее опасна: она пропитана историей и напичкана слишком большим количеством прецедентов.

Необходимо, однако, привыкнуть больше не рассуждать, погружаясь в прошлое и находясь где-то около настоящего; нужно стремиться рассуждать по каждому вопросу так, как если бы он существовал сам по себе и в единственном роде и пытаться прямо и через ощущение социального начала находить его практическое решение.

Хотя бы и политические рассуждения ошибочны еще в одном отношении. Чаще всего они продолжают опираться на чрезмерный рационализм последних веков, который в данной области не был скорректирован хорошим экспериментальным методом. Схоластика, еще и

теперь находящая прибежище на факультетах права и в аргументации политических партий, в социальной и политической областях, стремится все объяснить с помощью дедукции. Общества для нее являются лишь идеальными вещами, идеями индивидов; сами по себе эти общества базируются на Идеях и Принципах. Эти принципы известны, их метафизически переводят словами, оканчивающимися на «изм»: капитализм, социализм, индивидуализм, эгалитаризм, национализм и др.; их можно изготовить сколько угодно. У общества не остается другого занятия, кроме применения этих принципов, а их законы не должны иметь иного основания, кроме реализации этих идей и систем. Еще более восхитительным образом они могут менять эти принципы. Так учат в университетах, говорят и дискутируют в парламентах, научных журналах и многочисленных собраниях. Софисты из самых разных партий наслаждаются вволю тем, что противопоставляют один принцип другому, одни «измы» другим «измам», а подлинные интересы оказываются этим скрытыми. Немного ошибок были более пагубными, чем эта, и если этот скромный труд сможет еще раз предостеречь против подобных форм аргументации, то наша цель будет достигнута. Не существует никаких исключительно капиталистических обществ, и, безусловно, не будет никаких обществ чисто социалистических. Не существовало обществ, которые были бы только феодальными, только монархическими или только республиканскими. Реально существуют лишь такие общества, которые обладают определенным режимом или, точнее (что еще сложнее), системами режима, обладающими более или менее ярко выраженными характеристиками, режимами или системами режимов экономики и политической организации; они обладают определенными нравами и ментальностями, которые можно более или менее произвольно определить через преобладание той или иной из этих систем или того или иного из этих институтов. Вот и все. Точно так же, например, можно определить характер какого-нибудь человека, сказав, что он раздражителен; но это не значит, что его сердце не функционирует так же, как сердца других людей. Можно даже сказать, что общество, существо с тысячами параметров, среда существования живых и мыслящих сфер, испытывает воздействие всякого рода противоречивых и разнонаправленных течений: одни продолжают двигаться из глубин прошлого, даже доисторического; другие связаны с событиями, которые медленно формируются теперь, даже без ведома тех, кто завтра будет их активной силой или пассивным объектом, извлекают из них пользу для себя или станут их жертвами. В обществах ничего не происходит так, как в изысканных силлогизмах юристов или в софизмах, звучащих на площадях.

Пора с этим покончить: эти дискуссии о терминах на «изм» — лишь игра слов или партийные игры. Когда-то шли бои между империями и церквями из-за прибавления *que* к *filio*[1181]. Борьба между догмами была лишь видимостью, случайным и преходящим элементом; сущностью, фактом, истинной целью была битва как таковая. Теперь вокруг социальных догматов происходят волнения в находящихся в упадке режимах, паразитических классах (благодаря праву наследования и денежным интересам), косных массах, с одной стороны, и, с другой стороны, среди несчастных пролетариев или тех, кто, уже будучи лучше обеспечен, хочет добиться еще лучшего, среди демократических и независимых народов или тех, которые еще находятся в зависимом состоянии и под властью тирании. Прогресс состоит уже в том, что теперь общественная проблема обсуждается сама по себе, как таковая, и к ней уже не примешивают больше ни метафизику, ни религию, как это делалось еще совсем недавно. Но этого прогресса недостаточно; он необходим еще и в другом. Политика станет

рациональным искусством лишь тогда, когда она откажется от этой метафизики, когда она в должной мере откажется от этих слов на «изм» (капитализм, либерализм и другие подобные им) и от всех этих субстанциалистских умствований. Тогда она, в свою очередь, окажется вне всякой системы. Тогда она, безусловно, постоянно сможет или будет пытаться применять к каждой проблеме, как это делает инженер (слово «инженер» происходит от слова «изобретательный», «искусный»), решение, которое подсказывает точное осознание фактов и восприятие, если не достоверное знание, действующих в них законов.

Впрочем, эта детская и опасная догматика исчезнет, может быть, раньше, чем мы думаем. Почти все современные политические школы много хвастают своим реализмом. Реализм российской новой экономики недалек от того «социализма без доктрин», который, возможно, является наилучшим.

Во всяком случае, необходимо, чтобы философ, социолог, моралист предоставили другим отвечать за те режущие и резкие формулы и плохо сконструированные понятия, которые целиком начинены страстями и так часто толкают общества на авантюры. Их роль состоит в том, чтобы научить других людей мыслить непритязательно и практически, без претензий на систему, без предрассудков, без предвзятых чувств. Нужно, чтобы мыслители научили народы использовать свой простой здравый смысл, который в данном случае в политике есть также ощущение социального или, иначе говоря, справедливого.

Могут сказать, что этот вывод слишком непритязателен, носит слишком логический и наставительный характер. В слове «справедливость» политики подозревают идеологию. Но это они любят использовать высокие слова; это они складывают в системы поспешные обобщения. Они плохие идеологи. Пусть же они научатся «хорошо мыслить». Пример России их пугает. Будем надеяться, что он поможет им сделать усилие в направлении логичного мышления и разумной социальной практики.

Версия #1

Зверобой создал 26 апреля 2026 03:18:26

Зверобой обновил 26 апреля 2026 03:19:17